

уповая на социологическое объяснение, Нидэм считает, что ремесленники-металлисты и философы-любители — а у р и ф а к т о р ы — две принципиально различные группы, контакт между которыми вовсе не обязателен. Между тем видимость алхимического рукотворения была в действительности лишь видимостью, призванной иллюстрировать космические макроскопические процессы в лабораторном *микрокосмосе* — в *алембике* ли, в *атаноре* ли. *Золото* — лишь знак *наивысшего совершенства*. Разоблачение его как *золота* значения не имело. Лишь теоретическая и наставническая мощь трансмутации была неукоснительно самоценна. Подвергнуть алхимическое *золото* испытанию *огнем* с целью проверки или же разоблачения значило бы унизить труд адептов³, ибо, согласно *Ньютону*, *пробирер-поверитель* — *всего лишь работник, действующий руками*. «*Non potest fieri scientia per visum solum*» — «*невозможно достичь знания через одно только видимое*» (с. 24—25). Традиционный разрыв рукотворного опыта и духотворчества, что как будто вполне убедительно отмечает Нидэм, объяснит всю историю алхимии, химических ремесел, иначе говоря, историю любой химико-подобной деятельности во всеземном масштабе. Но вполне ли убедительно?

Разделение рукотворного опыта и духотворчества — ход плодотворный и конструктивный, обещающий много в сфере исторического реконструирования такого сложного явления, как алхимия. Однако ход этот в данном случае — только социологический, чего не скрывает и сам автор этой гипотезы, распространяя ее на всю алхимию целиком, независимо от времени и страны. Именно поэтому гипотеза эта представляется внеисторической, упраздняющей различия разных алхимий — эллинистической, греко-египетской, китайской; различия, связанные с особенностями места алхимической деятельности в составе принципиально несходных культур.

Далее. Если рукотворный опыт и духотворчество столь жестко разведены, то почему же все-таки духотворчество адептов намеренно рядится в земные — промасленные, пропитанные едкими дымами — одежды техников-ремесленников, приземленных и согбенных над реальными *амбиксами*, *горнами*, *атанорами*, *печами* и *водяными банями*, проводящих за как будто натуральным *купелированием* короткие дни и длинные ночи? Кому нужен такой маскарад? И еще. Где же то подлинное духотворчество и есть ли оно, которое не нуждается в таком притворстве, не нуждается даже и в декоративном технологическом фасаде, потому что отрешенность от рукотворного опыта действительно полна и безгранична? А если есть, то как с такой чистой теоретико-беспредметной, духовной

³ Противопоставление рукотворного ремесла интеллектуальному «парению» — дело давнее. Высокий интеллектуализм свободного художника чужд мастеру-ремесленнику. Ученому «начетчику»-иудею, набожному «ревнителю» так же не по душе простой ремесленный труд. *βαναισος* — *банаусос*, что буквально означает: *присущий ремесленнику*, или, в переносном смысле, — *пошлый, вульгарный, банальный, бездуховный*. То же и в иудейской традиции — *'thrg'z* — *ам-хаарец*. Об этом можно прочитать у С. С. Аверинцева (1971б, с. 255).